

Министерство образования Российской Федерации
Чувашский государственный педагогический университет
имени И.Я.Яковлева

**РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ
В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Чебоксары 2003

ББК 60.033.145.2

Р - 763

Российская цивилизация в условиях трансформации: региональный аспект: Сборник научных трудов. – Чебоксары: Чувашгосупедуниверситет им. И.Я.Яковлева, 2003. – 323 с.

Печатается по решению ученого совета Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я.Яковлева

Ответственный редактор
доктор исторических наук, профессор Г.И.Тафеев

Редакционная коллегия:

Краснова Л.А.

Кожина Т.Н.

Ендирякова Н.Г.

Волков П.Н.

Малышкин А.П.

© Кафедра всеобщей и региональной истории, 2003

© Чувашский государственный педагогический университет
имени И.Я.Яковлева, 2003

СТАРООБРЯДЦЫ В КИТАЕ В 30-60-Е ГГ. XX В.

К 1930-м гг. в Китае сформировалась большая старообрядческая община, которая насчитывала несколько десятков тысяч человек. Существовало несколько волн старообрядческой эмиграции в Китай.

Староверы проникли в Манчжурию еще в начале XX в. и уже в 1917 г. старообрядцы, приемлющие священство белокриницкой иерархии создали в г. Харбине свой приход и обратились к епископу Иркутско-Амурскому и всего Дальнего Востока Иосифу (И.И. Антипину, 1853-1927) с просьбой направить к ним приходского священника. Владыка Иосиф предписал священствовать в Харбине и во всей Манчжурии о. А. Е. Соловьеву, священнику Николо-Александровского прихода Суражевского подрайона Амурской области [1]. Однако первую большую волну старообрядческой эмиграции в Китай сформировали староверы, ушедшие в Манчжурию после падения правительств Колчака и Дальневосточной республики. Они осели в Харбине и его окрестностях. Эти эмигранты в значительной своей части были чадами Древлеправославной церкви (Белокриницкая иерархия), а также принадлежали к согласию часовенных беспоповцев. В Харбин была перенесена кафедра белокриницкого епископа Иркутско-Амурского и всего Дальнего Востока Иосифа, эмигрировавшего из Владивостока в 1921 г. Здесь существовал сначала временный, а в 1925 г. был освящен постоянный старообрядческий храм святых верховных апостолов Петра и Павла, выстроенный прихожанами на собственные средства [2]. Видную роль в жизни старообрядческой общины Харбина играл о. Иоанн Кудрин, который при Приамурском временном правительстве занимал должность Старшего Старообрядческого священника Армии и Флота [3]. В середине 1930-х гг. старообрядческая община Харбина издавала свой журнал «Дальневосточный старообрядец», издателем которого был К. И. Кудрин [4].

Вторая волна старообрядческих колонистов в Манчжурию из Приморья приходится на 1932-1935 гг., когда до Приморья докатилась волна коллективизации. Крайне враждебно староверами была встречена пятидневка, так как в этом случае воскресенье стало рабочим днем, а старообрядцы строго соблюдали воскресный день. Старообрядцы категорически отказывались вступать в колхозы. В ответ коммунистическая власть начала арестовывать отказавшихся от коллективизации староверов и сгонять в лагерь для принудительных работ. Большая часть арестованных старообрядцев попала на Артемовский рудник, один из первых концлагерей на Дальнем Востоке [5]. Попытка вооруженного сопротивления антихристовой, как говорили многие древлеправославные христиане, власти вылилась т.н. Бикинское восстание (1932 г.), по убеждениям самих старообрядцев, наме-

ленно спровоцированное советскими властями, чтобы иметь повод к расправе над староверами. Это восстание советские каратели подавили с крайней жестокостью, производя массовые аресты и расстрелы. Так, в окрестностях Бикина полностью были уничтожены три старообрядческих поселка, мужчины расстреляны, а их семьи высланы на Северное побережье [6]. В этих условиях у старообрядцев окрепло стремление найти надежное убежище за границей. В воспоминаниях П.Мартюшева, одного из ведущих деятелей современного американского старообрядчества, написанных в 1994 г., есть следующий эпизод, который дает представление о связях между староверами в Китае и СССР в 1932 г., а также о том, как в старообрядческой среде оформилось убеждение о необходимости перехода границы. «К этому времени (август 1932 г. – *авт.*), - пишет П.Мартюшев, - матерью из Китая было послано письмо к дальним родственникам в Приморский край (тогда КВЖД была еще под советским управлением, и почта ходила регулярно) с описанием в подробностях нашей жизни в Китае. Это письмо, подобно посланию Аввакума протопопу своим чадам, с особой осторожностью и быстротой облетело все дальние деревни в Приморском крае. Читалось только особо надежным людям, и то ночью в подпольях, да и то шепотом. Это письмо дошло и до Северного побережья, откуда уже почти невозможно было выехать. При таком плачевном положении в СССР на народ сильно подействовало сообщение из Китая о свободной сытой жизни, и многие устремились как можно скорее покинуть родину»[7]. Иными словами, старообрядцев в Китае привлекала возможность свободного исповедания веры и свободного хозяйствования. Однако многие староверы считали необходимым лично убедиться в обстановке, сложившейся в Северном Китае, тем более, что Манчжурия с 1932 г. стала независимым от Китая государством - Манчжоу-го, в котором всем распоряжались японцы.

Инициаторами перехода границы выступили староверы Бикина, Пухло (на р.Самарга), Перетычихи и Каменки (на р.Единка). Эти поселения в 1920-е гг. были основаны старообрядцами, бежавшими в этот совершенно необжитый тогда край от советских репрессий. В район рек Самарга и Единка (т.н.Самаргинский район) со всего Приморского края и Уссурийского стекались старообрядцы недовольные советской властью и новыми порядками. Староверов не останавливало и то, что Самаргинский край представлял собой первобытную кедровую тайгу, а попасть сюда можно было только по морю. Самыми тяжелыми в освоении этой территории были 1928 и 1929 гг., когда приходилось расчищать от кедров первые десятины земли под пашню и устраивать хозяйство на совершенно пустом месте. Однако «дух свободного предпринимательства преодолевал все трудности (...север был настолько щедр соболями и рыбой лосось, что переселенцы через несколько лет зажили полной достатка жизнью»[8]. В этой связи важно отметить, что взаимоотношения между старообрядческими посел-

ками и советской властью строились чрезвычайно специфично – старообрядческие поселки не признавали не только советской власти, но и советских денег, требуя в качестве оплаты за свой труд золотого или серебра, а советская власть шла староверам на уступки и удовлетворяла эти требования. «По мере увеличения поселков, - писал П.Мартюшев, - правительство расширяло торговые агентства и скупало всякого пушного зверя и рыбу. Советская бумажная валюта была в то время настолько бесценна (т.е. обесценена – *авт.*), что наши переселенцы провели тайные повсеместные договоры между собой, чтобы не продавать пушнину и рыбу за эти бумажки, а требовать золотой и серебряный царский рубль и товарообмен. Советское правительство убило все требования переселенцев. Мануфактура и продукты доставлялись из Владивостока пароходами в устье рек Едзинки и Самарги. Советская власть хорошо была осведомлена, какого духа были эти люди. Этот элемент уже был нетерпим в оседлых старых поселениях, но здесь, как бы убежав далеко от советской власти, он полностью выказал свое отношение к новым властям. Власти до времени терпели и убагавтвораля всему, что требовали поселенцы»[9]. К 1930 г. Самаргинский район был преобразован трудом староверов – у тайги были отвоеваны сотни десятин пахотной земли, построены прекрасные бревенчатые дома, в хозяйствах содержалось достаточное количество скота, и в целом старообрядческие поселки не испытывали ни в чем никакой нужды.

В 1932 г., когда и до старообрядческих поселений докатилась волна коллективизации, стали создаваться кооперативы, а потом – колхозы, старообрядцы убедились в невозможности далее уживаться с антихристовой властью.

Очень большую помощь в подготовке к переселению в Китай одной из групп приморских старообрядцев оказали немцы – начальник «Далькрай-союза» Ян Мартинович Дениц и начальник особого отдела Приморской группы ГПУ Адольф Карлович Линкин. Благодаря их помощи многие старообрядцы с семьями были вызволены из блокированных деревень, заброшены от ареста, и из них была создана бригада охотников, обязанная поставлять дичь для ГПУ. По приказу А.К.Линкина охотники-старообрядцы были вооружены военными трехлинейными винтовками и им выдано несколько тысяч патронов. Предусмотрительный А.К.Линкин, еще до своего перевода в Иркутск на повышение, желая обезопасить староверов, находившихся под его начальством, перевел их в 1933 г. на станцию Раздольная с обязательством снабжать мясом располагавшийся там военный гарнизон[10]. Начальник гарнизона Бабушкин разрешил старообрядцам поселиться вместе с семьями в старых лесозаготовительных бараках в районе реки Первая, где староверы немедленно приступили к расчистке земли и кроме охоты занялись огородничеством. Так как в сферу охотничьих угодий старообрядцев входил и приграничный с Китаем район, то было решено искать пути перехода на сопредельную территорию.

Особое внимание старообрядцы обратили на район реки Вторая, где существовала тропа китайских контрабандистов.

Следует заметить, что в тот период в данном регионе Сихотэ-Алиня не существовало признанной советско-манчжурской границы и в районе верховьев реки Гранитная проходила ее демаркация [11], а в приграничных манчжурских районах обитало много китайцев, хорошо говоривших по-русски, которые когда-то жили в России, но после установления советской власти они перебрались в Китай и занимались контрабандой, переправляя в СССР всевозможные товары в обмен на пушнину, женшень и панты. Охотники-старообрядцы, судя по отрывочным сведениям, имели хорошие связи с китайскими купцами и контрабандистами [12]. Именно к ним обратились А.С.Куликов, Е.С.Мурочев, С.К.Басаргин, А.С.Калутин, когда перешли китайскую границу за сведениями об обстановке в приграничной Манчжурии. Оказалось, что ситуация в данном районе хотя и не простая (в округе действовали шайки красных китайских и корейских партизан), но стабильная, так как в нескольких километрах от пограничного городка Пандие около реки Тумынза стоял японский военный гарнизон, а в самом городке располагался правительственный гарнизон армии Манчжоу-го, охранявший город и окрестности от вылазок красных [13]. Однако при попытке осмотреть г. Пандие, население которого было смешанным – китайско-корейским, старообрядцы были арестованы городской полицией, допрошены и переданы для дальнейшего разбирательства в японский гарнизон. После двухнедельных допросов старообрядцы были отпущены с пожеланием удачного перехода границы и возвращения в Манчжурию уже вместе с семьями [14].

В 1930-е гг. старообрядцами в Манчжурии, особенно около Харбина и в районе Трехречья было основано несколько поселений, в которых по конфессиональному признаку преобладали безпоповцы: Массаловку (Чипигу), Медяну, Коломбо, Силинхэ и др. Обнаружилась тенденция к концентрации старообрядцев в этих поселениях. Хозяйство было традиционным – земледелие, скотоводство, охота, пчеловодство. Известно, что обосновавшиеся в Трехречье казаки из старообрядческого села Доно (Читинской области) столь успешно вели свое земледельческое хозяйство, что окрестные китайцы переняли у них важные новации в ведении огородничества [15].

На раннем этапе становления поселений старообрядцев материально поддерживало действовавшее в Манчжурии Бюро эмигрантов [16]. Одним из крупных старообрядческих поселений в Манчжурии было основанное в 1936 г. село Романовка, жители которого, принадлежавшие к часовенному согласию, являлись выходцами из Приморских деревень Каменки, Петропавловки и Архиповки, бежавшими от коллективизации. Они перешли пограничную между СССР и Манчжурией реку Уссури около г.Хутоу. Место для будущего поселения было обнаружено братьями Калугиными во вре-

мя охоты в окрестностях станции Хэндаохэцзы, когда они натолкнулись на долину в несколько километров шириной, пригодную для поселения. Об этом были поставлены в известность эмигранты староверы из Каменки, Петропавловки и Архиповки. Старообрядцы, оценив возможности экономического освоения обнаруженной территории, решили основать здесь поселение и направили составленное Калугиными прошение об этом японским военным властям в Манчжоу-го. В прошении указывалось местоположение вызвавшего интерес участка и говорилось: «Вышеуказанный участок земли в настоящее время не занят под пашню, не принадлежит никому и никак не используется. Если нам будет дозволено поселиться, то мы сразу же начнем и заготовку сена на зиму на корм лошадям. Зимой мы будем рубить лес и ставить избы. Когда наступит весна, мы соберем семьи и займемся обработкой земли». Кроме этого старообрядцы просили освободить их на первое время от налогов и позволить им иметь винтовки и ружья, необходимые для обороны против шаек хунхузов, которые бесчинствовали в том районе, делая его необитаемым. В прошении особо подчеркивалось: "Если нам будет дозволено поселиться, то мы заведем столько скота и сельскохозяйственных орудий, сколько нам нужно. Мы не нуждаемся в помощи или особенной протекции со стороны полиции". Японские власти оперативно рассмотрели поданное заявление, и через две недели старообрядцы получили разрешение поселиться в указанном месте [17]. Ядро первопоселенцев состояло из 25 семей, в составе которых было 33 мужчины, 28 женщин и 61 ребенок. Это старообрядческое поселение стало постепенно разрастаться за счет вновь прибывающих, и к концу 1937 г. здесь уже существовал поселок. Среди местных староверов были сильны монархические настроения, поэтому поселение было названо Романовкой. К августу 1945 г. в Романовке насчитывалось 45 дворов и более 200 жителей.

В чрезвычайно короткий срок старообрядцы сумели превратить Романовку в одно из самых процветающих поселений в Манчжурии, и этим выдающимся опытом русских старообрядцев заинтересовалось японское правительство, планируя использовать его для развертывания в Манчжурии сети поселений японских колонистов. Как пишет Ё.Накамура, «В этот период милитаристская Япония планировала отправить на территорию Манчжоу-го, своей марионетки, миллион колонистов. По мнению японцев Романовка являлась образцовым в этом смысле поселением. Среди тех, кем японцы управляли доброжелательно были прибывшие с Южного Сахалина староверы» [18]. Следует сказать, что с целью систематизации опыта старообрядческой колонизации Манчжурии японские власти избрали объектом исследования село Романовку, а в непосредственной близости от села на станции Южно-Манчжурской железной дороги Хэндаохэцзы был создан специальный институт по изучению данной проблемы. В отчете данного института за 1942 г. говорилось, что «все романовские мужчины представляют собой натуралистов, инженеров и философов, все они архи-

текторы, плотники и шпукатуры. Они умеют применять всякую всячину на практике, отсюда у них такой высокий уровень жизни» [19].

Старообрядческое население Манчжурии имело связи с Южно-Сахалинскими староверами. Судя по источникам, эти связи обнаруживаются с 1930-х гг., когда Манчжурия и Ю.Сахалин (яп. Karafuto) находились под японской властью. По сведениям японского журналиста Сакуо Мацуно, побывавшего летом 1940 г. в русской колонии Аракуль в Карафуто, южно-сахалинские старообрядцы, не желавшие, чтобы их дети посещали японскую школу, в 1937 (или в 1938) г. пригласили из Манчжурии молодую образованную русскую женщину и открыли частную школу для старообрядческих детей, но с учительницей С.Мацуно не удалось встретиться и он считал, что школа существовала недолго [20]. По данным Е.Накамуры старшие дети аракульского старообрядческого настоятеля Ефстафия Зажигалкина, прибывшего в Аракуль в 1932 г. из Японии, - Ануфрий, Феодосия и Прасковия в первой половине 1940-х гг. эмигрировали с Сахалина в Манчжурию, возможно, в старообрядческое село Романовка. И когда в период второй мировой войны японские военные неоднократно посещали Романовку, то были чрезвычайно удивлены, что некоторые жители этого старообрядческого села свободно говорят по-японски [21].

Японцы не вмешивались в дела веры, твердо придерживались политики свободы исповедания. Это создавало возможности для укрепления непосредственно церковных структур в Манчжурии. В 1935 г. маньчжурские старообрядцы, приемлющие белокриницкую иерархию, избрали кандидатом в епископы Маньчжурскую епархию Т.Д.Качалкина. Во исполнение решения собора, состоявшегося 22 июля 1940 г. в Славском монастыре, Т.Д.Качалкин был пострижен в иноки с именем Тихона, и 25 августа 1940 г. в селе Камень (Добруджа) митрополитом Силуаном и епископом Иннокентием был рукоположен в епископы [22].

В 20-е-начале 30-х гг. значительная старообрядческая колония сформировалась в 50 км от советской границы в Алтайских горах западной китайской провинции Синьцзян и около городов Кульджа и Урумчи.

В этом регионе уже с XIX в. существовали небольшие русские колонии сначала в Кульдже и Чугучаке, а затем и в Урумчи, где были открыты российские консульства. В 1872 г. в Кульдже была освящена временная новообрядческая церковь во имя пророка Илии, а постоянный каменный новообрядческий храм был освящен местным протоиереем М.Путинцевым в 1877 г. Русское население Синьцзяна до 1920 г. было многочисленным - сотрудники российских консульств, военнослужащие, обеспечивавшие охрану консульств, сотрудники русских фирм, частные предприниматели, всего около 2000 человек [23]. Однако в 1920 г. численность русского населения в Синьцзяне значительно возросла - на китайскую территорию перешли части атаманов Б. В. Анненкова и А. И. Дутова, а также большое число гражданских беженцев. Штаб А.И.Дутова располагался в г. Суйдун,

отдельные части стояли в Чугучаке, Кульдже и Урумчи, но после смерти атамана Дутова в феврале 1921 г. военная организация распалась.

Первые старообрядческие поселенцы прибыли в этот регион в 1920-1921 гг., спасаясь от красного террора на Алтае, захлестнувшего край в марте 1921 г. после подавления Западносибирского крестьянского восстания. По воспоминаниям Е.И.Анфилофьева, одного из старообрядческих переселенцев в Синыцзян, исход староверов с Алтая в Китай начался после серии массовых расстрелов, осуществленных карательными органами советской власти. «Когда коммунисты пришли на Алтай, - вспоминал он, - то они в первую очередь уничтожили крепко верующих людей. Много жило староверов: и поповцев, и безпоповцев на Алтае. Одно село безпоповцев было обезглавлено под корень. Девятерых стариков-начетчиков согнали в одно место, заставили выкопать могилу. Выкопали старики и попросили: «Дайте, мол, помолиться перед смертью». Дали. Помолвились каноны на исход души, обнялись, простились друг с другом и благословились, а под конец и мучителям своим сказали: «Простите и вы нас, враги Божии». «Что?! - закричали. - говорите, что мы антихристы?!». «Нет, - говорит дед Алексей, - вы еще не антихристы, вы его предотечи». И всех расстреляли, в одну яму сбросили и закопали. Успел один дед сказать своим: «Уходите в Китай, туда антихрист не пойдет. Там земля не просвещенная, ему там делать нечего. Берегите веру свою - главу свою». И пошли, все кто мог: и старые и малые» [24]. О переселении этой группы спасовцев имеются воспоминания С.Ф.Иванова, основателя старообрядческой колонии Бом Жардим (Колония Де Руссо) в бразильском штате Гояс, записанные в 2000 г. Н.Лебедевой. Он, видимо ошибочно, относил переселение алтайских спасовцев в Синыцзян к 1917 г.[25]. Но основная часть старообрядческого населения попала в Синыцзян, спасаясь от коллективизации в 1929-1933 гг., и здесь в 1930-гг. располагалось не менее 500 семей старообрядцев [26]. Среди синыцзянских староверов, также как и в Манчжурии, не было молитвенного единства: меньшая часть была поповцами-общинниками, но в большинстве своем синыцзянские старообрядцы принадлежали к часовенному и спасову согласиям.

Старообрядческое хозяйство в регионах северного Китая было разнообразным и многоотраслевым. Почти все староверы имели земельную собственность и занимались сельским хозяйством, продавая пшеницу, овощи и мед в близь лежащие китайские городские центры и деревни. Однако земледелие не было исключительной сферой экономической активности старообрядцев, тем более, что в некоторых регионах, в частности в Алтайских горах Синцзяна из-за высокогорья не вызревала пшеница и приходилось выращивать только ячмень [27]. Разводили скот, значительное подспорье также составляла охота. Охотились на лосей, медведей, кабанов, белок и разнообразных птиц. Староверы вели широкую торговлю шкурами диких животных и поставляли сырье животного происхождения для

традиционной китайской медицины. Кроме того, манчжурские староверы стали известными благодаря тому, что поставляли пойманных ими амурских тигров в зоопарки Харбина и других городов Манчжоу-го, а живой тигр стоил в пять раз дороже убитого [28]. Переселенцы из Южного Сахалина (Карафуты) в Манчжурии содержали зверофермы и занимались разведением лисиц для последующей продажи их шкур. Вообще следует заметить, что в период японского господства в Манчжурии и на Южном Сахалине старообрядческие хозяйства испытывали бурный экономический подъем. Известны случаи большой экономической успешности старообрядцев и на самих Японских островах. Так, в 1922 г. в Японии в районе Юнокава (р-н Хакодате) образовалось небольшое поселение староверов (5 семей – 20-30 человек), которые успешно конкурировали с японцами на рынке сельскохозяйственной продукции. Поселение исчезло в начале 1930-х гг. [29].

В 1925 г. старовер часовенного согласия Е.Зажигалкин эмигрировал из Петропавловска-Камчатского в г.Хакодате (Япония). С 1925 по 1932 г. он занимался продажей в Хакодате и других японских городах хлеба домашней выпечки. Однако по мере роста его семьи доход от торговли печеным хлебом уже не покрывал всех нужд, и Е.Зажигалкин переехал на Южный Сахалин и занялся разведением скота и звероводством. В 1940 г., например, в распоряжении старообрядцев Аракуля (Южный Сахалин) находилось стадо крупного рогатого скота более чем в сотню голов и арендованные у регионального правительства Карафуты пастбища площадью около 400 акров [30].

Отношения староверов с нерусским населением заслуживают отдельного разговора. Судя по воспоминаниям многих староверов, наилучшие отношения сложились с японцами. Отношения с китайским населением не были столь ровными как с японскими властями, но большей частью все-таки они были доброжелательными.

Японские власти в Манчжурии (как и на Карафуте) неизменно доброжелательно относились к старообрядцам и во многом покровительствовали им. Когда старообрядческие охотники предприняли разведку в Манчжурию, были арестованы полицией и переданы для допроса в японский гарнизон г. Пандие, они не заметили к себе никакого отрицательного отношения. Однако японцы хотели убедиться, что старообрядцы не являются советскими шпионами, поэтому задержали их более чем на две недели. «Кое-что расспросив в китайской полиции, - пишет П.Мартюшев, - их (четырёх старообрядцев, перешедших границу – *авт.*) отправили в японский гарнизон. Хотя японские власти встретили их любезно, но жандармская процедура неотменно требовала свое. Их стали водить по одиночке на допросы. Расспрашивали, сколько времени живут они на станции Раздольная, чем занимаются, большие ли семьи, есть ли скот, служит ли кто из родственников в Красной армии. В советском военном гарнизоне в Раздольном

много было корейских призывников, которые проживали в России. Эти призывники многие служили и в японской разведке. Они-то и подтвердили все эти показания. Эта процедура с повторными допросами продолжалась более двух недель»[31]. Старообрядцы все это время жили не под арестом, а на корейской фанзе вблизи японского гарнизона, но за ними скрыто наблюдали несколько японских солдат под начальством офицера. После довольно длительных и драматических проверок, когда японцы убедились, что вышедшие к ним староверы не являются шпионами, то «всех отпустили в обратный путь к семьям с пожеланием счастливого выхода из-под коммунистического террора»[32]. Когда староверы перешли границу, японские власти разрешили им разбить свой палаточный лагерь на берегу реки Тумынза через увал от г.Пандие. Однако старообрядцы считали, что необходимо переселиться в районы, прилегающие к КВЖД, и нашли понимание своему стремлению у японских властей, которые озаботились организацией безопасного перехода старообрядцев. Как вспоминали старообрядцы, «японцы не протестовали и не задерживали, только заботились: «Без знания языка будет трудно чего бы то ни было добиться среди китайцев – воров и грабителей». Нашли несколько китайцев, хорошо знавших русский язык, чтобы они служили переводчиками и проводниками. Назначили им плату. Когда обратились к японцам за документами, то власти пригласили и переводчиков-проводников и предложили им описать свое имущество в гарантию, что они этих людей в сохранности доведут до указанного города и сдадут их в японский военный гарнизон, а обратно принесут от начальника гарнизона расписку, что эти люди дошли благополучно. На это предложение японских властей китайские проводники стали отказываться, говоря, что сейчас очень много разных отрядов ходит по всем дорогам, и [не знают], будут ли живые сами»[33].

Однако двумя обстоятельствами старообрядцы не были довольны в японцах. Во-первых, их требованиями сдать оружие, как винтовки, так и ружья, из-за чего приходилось тщательно прятать оружие от японцев [34]. Во-вторых, после установления своего контроля над Манчжурией японцы и манчжурское правительство начали расширение сети железных дорог, и для этой цели они в административном порядке привлекали рабочую силу со всей подконтрольной им территории. Среди временно мобилизованных на железнодорожное строительство были также и старообрядцы. Подобные мобилизации проводились силами японских военных, и после выполнения положенных работ всех, привлеченных к этому подневольному труду, обычно отпускали домой, однако, известны случаи, когда нескольких старообрядцев перебросили на другой участок работ, и больше сведений о них не поступало. Были также случаи травматизма, иногда со смертельным исходом [35].

В бытовом отношении неприятно поражала староверов японская кухня. Известен случай, когда С.К.Басаргину пришлось в качестве заложника

недолго прожить в японском гарнизоне и питаться исключительно японскими блюдами, и это так отрицательно сказалось на его здоровье, что «он через несколько дней почти слег в постель, тогда начальство приказало перевезти его в китайский гарнизон в город Пандие. Там хотя не было русского [стола], но китайские пампушки (манты) из пшеничной муки все же были лучше, чем японский соленый рис со сладко-соленой закуской, к которой русский человек отнюдь не может привыкнуть»[36].

Старообрядцам в Синьцзяне приходилось жить бок о бок с кочевыми народами, в частности с казахами, монголами и дунганами. Немало казахов в Синьцзяне были беженцами из СССР, и это обстоятельство откладывало на них и старообрядцев определенной отпечаток общности судьбы. Показателен в этом отношении эпизод, относящийся по времени к 1929 г., рассказанный Е.И.Анфилофьевым, спасавшимся от советских принудительных работ и попавшим вместе с дядями после перехода китайской границы в руки казахского отряда. «Встали мои дядя, - вспоминал Е.И.Анфилофьев, - и, перекрестясь, говоря «Господи, благослови», пошли. Бегом бежали долго. Снег пополам с грязью мешали быстрому ходу, но все-таки мы перешли границу китайскую, долго шли и только сели отдохнуть, смотрим, скачет на конях кто-то. «Ну, все, думаем, - от смерти не уйдешь». Подскочили, окружили и опять погнали. Это были казахи. Один дядя очень хорошо говорил по-казахски. Спросил: «Дайте переобуться». Остановились, разрешили, а сам глядят. Стали мы сапоги стягивать, а в них крови полно, выливаем ее, как воду. Увидали казахи кровь, закричали: «Ой-бай, кровь! Надо спросить, что за люди». Объяснили мы им как могли, что мы пострадавшие, гонимые. Они поверили, потому что сами были такие. Проводили нас до русского села и уехали»[37].

Наиболее толерантными были отношения старообрядцев с кочевыми монголами. Известен случай, когда кочевое монгольское племя пережило одну их суровых зим 1930-х гг. в старообрядческой деревне, продавая староверам шкуры и мясо. Кроме того, ранней весной до начала своих традиционных летних кочевков монголы часто нанимались к старообрядцам в качестве сельскохозяйственных работников [38].

В значительной мере на отношения между русскими староверами и окружавшими их народностями оказывал влияние идеологический фактор. Прокоммунистически настроенное население враждебно относилось к старообрядцам. В этом случае можно указать на отношения между староверами и корейцами в манчжурском приграничье, где определенная часть корейцев поддерживала коммунистов, и существовали красные корейские партизанские отряды. Показателен в этом отношении эпизод, случившийся со старообрядческими беженцами, перешедшими манчжурскую границу со стороны Приморья и натолкнувшимися на корейцев.

«Когда вышли из тайги, - вспоминал П.Мартюшев, - то на первом же увале раскинулись на отдых у светлого горного ручья. Вскоре подошли

два корейца, хорошо говорящих по-русски. Стали расспрашивать, «кто вы и откуда, почему ушли из России, ведь там теперь свобода, а здесь японские оккупанты, которые притесняют жителей, грабят народ» и прочее в том же духе. Наши сначала вступили с ними в спор, но те очень серьезно доказывали свою правоту. На прощанье сказали, что мы сегодня еще увидимся». Наши заподозрили их как сотрудников и шпионов неизвестного нам партизанского отряда и решили сразу же сняться с места и переехать в город, пока японские власти не укажут, где более безопасно можно раскинуть свой табор. И правда, через час корейские красные партизаны окружили место нашего первого расположения, но нас там уже не было. Китайский отряд сообщил японцам, что разведка обнаружила большой корейский отряд партизан, японцы, в свою очередь, дали с наблюдательного пункта несколько гранатометных выстрелов, после чего корейский отряд скоро скрылся в тайге. Так, если бы мы остались на месте, то наверняка были бы терроризированы этим отрядом» [39].

Самыми напряженными были в 1930-х гг. отношения с синьцзянскими дунганами - китайскими мусульманами, поднявшими восстание в 1933 г.

Дело в том, что в апреле 1933 г. власть в Синьцзяне захватил дубань (правитель) Шен-Ши-Цай. Положение его в провинции было чрезвычайно неустойчивым из-за непрекращающихся мусульманских мятежей и исламского терроризма. Китайские части в Синьцзяне были фактически небоеспособны. Единственной военной опорой дубаня был русский полк, сформированный из белых эмигрантов под командованием полковника Паппенгута, который едва сдерживал мусульманские отряды. Положение Шен-Ши-Цая чрезвычайно осложнилось после того, как в декабре 1933 г. в Синьцзян прорвалась мятежная китайская 36 дивизия под командованием Ма-Чжу-Ина, укомплектованная дунганами. Вся провинция сразу же перешла под контроль дунган, и они в январе 1934 г. начали осаду столицы Синьцзяна города Урумчи. В этих условиях Шен-Ши-Цай в конце 1933 г. обратился за помощью к СССР. В ответ на его просьбу в январе 1934 г. части Красной армии перешли китайскую границу, в феврале сняли осаду с Урумчи, а в мае-июне подавили дунганские мятежи в Кашгарии. В этих условиях правительство Шен-Ши-Цая было фактически марионеточным под полным контролем СССР. Сам же дубань заявлял о себе как о приверженце идей коммунизма [40]. По странной логике мусульман ответственными за красный и китайский террор в мусульманском приграничье оказались русские старообрядцы, бежавшие от этого же самого красного террора у себя на родине. Часть старообрядцев покинула район дунганского восстания, переселившись в окрестности Кульджи, но другая часть осталась на месте и оказывала дунганам упорное вооруженное сопротивление [41]. В этой связи следует заметить, что восстание дунган периодически вспыхивали в течение 1930-х-1940-х гг. и носили религиозно-политический характер: с одной стороны дунгане преследовали христиан,

которые в подавляющем большинстве были русскими, с другой стороны – коммунистов. В этой ситуации русские стали создавать свои вооруженные отряды самообороны. Особо ожесточенный характер эта борьба приобрела в 1933-1934, 1944-1945 [42]. Старообрядцы отдавали должное воинственности и храбрости дунган, их приверженности своей вере, но фанатизм и ужасающая жестокость мусульман не оставляла возможностей для конструктивного сосуществования русских и дунган. В восприятии самих старообрядцев причина войны была не в культурной непримиримости, а в неадекватной по отношению к русским реакции дунган на коммунистическую опасность. Этот взгляд на проблему хорошо представлен в воспоминаниях Е.И.Анфилофьева: «Пришли коммунисты и сюда (в Синьцзян). Стали свои порядки наводить, советуют коммуны установить. Дунгане догадались, что русские пришли веру убивать и решили русских всех резать. Стали сколачивать банды и делать набеги на русские селения. Вырезали ножами всех: и старых, и малых. На ходу успевали вырезать сердце или печень и сжирать. Что нам оставалось делать? Мы, русские, тоже стали собираться в отряды и охранять свои жилища от набегов вражеских» [43]. Однако надо иметь в виду, что мусульмане численностью значительно превосходили русских, вследствие чего добиться надежной победы над дунганами не представлялось возможным, и русские искали защиты у центральных китайских властей, тем более, что китайские власти не могли терпеть неподконтрольность своих мусульманских анклавов, тем более тот террор, который они развязали в Синьцзяне. «Пришло время испытания, – говорил Е.И.Анфилофьев о массовом геноциде, устроенном дунганами в его деревне, – Возвращался я со своим отцом домой, вдруг слышим: плач, шум. Подъезжаем к деревне, а она вся вырезана. Родительница моя, баба Агафья, привязана к столбу, глаза выколоты, нос, уши, грудь – все обрезано, живот вспорот и там нет сердца. Где было мое сердце тогда? Как я рыдал у ног ее и скорбел невыносимо! Нас заметили и погнались следом. Мы мчались на конях по льду на реке. Увидели прорубь и со всего маху с копей прыгнули туда, ушли под лед. Вода зимой помельчала, между водой и льдом было пространство в полметра. Долго стучали копытами вражьи кони, слышалась стрельба, потом все стихло. Домой мы добрались чуть живые. Жил в той деревне священник о.Памфил со своей матушкой Марьяной, сыном Пахомием и снохой Марьей. Батюшки в то время не было, а матушку враги резали также как бабу Агафью. Всего погибло 250 человек. Всех их положили в одну братскую могилу» [44].

Однако истинной катастрофой для староверов Северного Китая стала дальневосточная кампания Красной армии. В конце лета и осенью 1945 г. многие старообрядцы подверглись реквизициям и репрессиям со стороны советских карательных органов как в Манчжурии, так и в Синьцзяне. Многие крепкие старообрядческие хозяйства были раскулачены и разорены, а все взрослые мужчины, не успевшие скрыться, были арестованы за не-

санкционированный переход советско-китайской границы в 1920-е – 1930-е гг. часть арестованных была осуждена и выслана в Сибирь, и дальнейшая судьба многих из них не известна [45]. В Манчжурских промышленных центрах советские оккупационные власти проводили массовый демонтаж оборудования, вывозя его в СССР, тем самым были разорены многие предприятия, на которых трудилось городское старообрядческое население Манжурии. Кроме того, оккупационные власти, испытывая большую нехватку рабочих рук, вынуждали старообрядцев обслуживать стоявшие в городах части Красной Армии и при прекращении режима оккупации насильно удержали их и вывезли в СССР [46].

Некоторые харбинские старообрядцы вернулись в СССР добровольно, поддавшись советской агитации. Часть из них проживает сейчас в Солнечном районе Хабаровского края. Однако значительная часть старообрядцев бежала из крупных манчжурских центров и рассеялась по всей Манжурии [47].

В конце 1940-х гг., когда Китай полностью перешел под контроль коммунистов, положение старообрядцев в Китае стало безнадежным.

В первую очередь была подорвана экономическая устойчивость старообрядческих хозяйств. Земельная реформа, проводившаяся сначала в так называемых «освобожденных районах» с 1947 г., и распространенная на весь Китай в 1949 г., к моменту своего окончания в 1951 г. полностью разорила старообрядческие деревни как в Манжурии, так и в Синцзяне, лишив их земель. В этой связи следует заметить, что у старообрядцев в Китае сохранялась традиционная форма землепользования «миром» (общиной), когда земли распределялись между членами общины уравнилельно в зависимости от их качества, поэтому старообрядческие земельные владения формально не попадали в категорию помещичьих хозяйств, но тем не менее они подверглись сплошной насильственной конфискации [48].

Нередко коммунистические власти Китая открыто заявляли о нежелательности пребывания в стране староверов.

Уже в середине 1950-х гг. старообрядцам стало очевидно, что Китай больше не может служить им прибежищем, возвращаться в СССР с его антихристианским режимом они категорически не хотели, поэтому начались первые попытки контакта с представителями западных консульских служб, прежде всего с британской консульской службой в Гонконге. Однако дело осложнялось тем, что старообрядцы не имели некоторых важных документов, так как оказались в Китае в большинстве случаев несанкционированно, а недостающие документы можно было получить только из СССР. Обращения за содействием в получении документов в советские консульства в Кульдже (возобновило работу в 1954 г.) и Харбине (возобновлено в 1957 г.) оставались в лучшем случае без ответа, в худшем – советские дипломаты сообщали китайцам о цели обращения к ним старообрядцев, и китайские власти арестовывали их за контакты с англичанами [49]. Отношение к

старообрядцам смягчилось только в конце 1957-1958 гг.: и англичане, и китайцы разрешили им прибыть в Гонконг для легитимизации и последующей эмиграции в третьи страны. Переселение в Гонконг проходило всевозможными способами как по одиночке, так и целыми общинами. Например, из Синцзяна белокриницкие старообрядцы ушли во главе со священником Томско-Алтайской епархии о.Иваном (Щадриним), белокриницкие старообрядцы из Харбина прибыли в Гонконг во главе с о.И.Г.Кудриным [50].

Старообрядцы прибывали в Гонконг в период 1958-1959 гг. Заботу о размещении старообрядцев в Гонконге полностью взяли на себя Красный Крест и Всемирный совет церквей (ВСЦ), так как староверы, прибывшие в Гонконг, в большинстве своем не имели вообще никакой собственности, как вследствие конфискаций со стороны китайских властей, так и в результате утраты имущества в период переселения. Судьбу старообрядцев решали Красный Крест, ВСЦ, ООН и консульские службы разных стран. В итоге согласие принять староверов выразили Аргентина, Австралия, Бразилия, Новая Зеландия, Парагвай и Уругвай [51]. Самые большие группы староверов переселились в 1958-59 гг. из Гонконга в Австралию (белокриницкие) и Бразилию (беспоповцы), более мелкие группы беспоповцев отправились в другие согласившиеся принять их страны.

Кроме того следует заметить, что массовое переселение последних старообрядцев Синцзяна приходится на 1960-1964 гг. и было вызвано ужасами китайской «культурной революции» с одной стороны и умелой советской пропагандой – с другой. Только в одном 1960 г. советско-китайскую границу пересекли около 40 грузовых автомобилей со старообрядцами и их имуществом, причем таможня конфисковала значительное количество старообрядческого имущества под разными предлогами. Часть переселенцев сразу же была отправлена в Киргизию на опиумные плантации, часть – в Казахстан на стройку [52].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Кобко В.В. О послуживших во святем храме сем....//Русь православная. – 2002. - №2(63). – С.6.
2. История, «разорванная на три листа» //Дальневосточный старообрядец. – 7506 (1998). – Сентябрь. - №2. – С.9.
3. См.: Письмо М.Б.Сердюк от 08.10.1997 // Дальневосточный старообрядец. – 7506 (1998). – Сентябрь. - №2. – С.9.
4. Там же. – С.9.
5. Мартюшев П. Старообрядцы в Приморском крае после революции // Дальневосточный старообрядец (далее: ДС). – 7506 (1998). – №3. - С.31.
6. Мартюшев П. Старообрядцы в Приморском крае после революции // ДС. – 7506 (1998). – Сентябрь. - №2. – С.15.
7. Там же. – С.16.
8. Там же. – С.15.

9. Там же. – С.15.
10. Там же. – С.16.
11. Там же. – С.18.
12. Там же. – С.16,17.
13. Там же. – С.16.
14. Там же. – С.16,17.
15. Живоносный источник старой веры: Беседа Ю.Балкова с епископом Новосибирским и Всея Сибири старообрядческой митрополитом Сидлуном // Русский Восток // <http://rus-vost.irk.ru/arhiv/37/documents/episk.htm>.
16. Кононова М. Русская старообрядческая диаспора в странах дальнего зарубежья: генезис, формирование и современное положение // <http://www.archipelag.ru/text/293.htm> - 30К - 19.03.2002.
17. См.: Накамура Ё. Романовка - поселок староверов в Маньчжурии (1936- 1945) // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. - Новосибирск, 1992. - С. 248-250; Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII-XX вв. - Новосибирск, 1994. - С.13-14.
18. Nakamura Yoshikazu. Old Believers in Southern Sakhalin under Japanese Rule // <http://www.geocities.com/Athens/Agora/2827/nakamura.html>.
19. См., например: Русский дом. - 1999. - №11; Электронная версия: http://www.rusk.ru/Press/Rus_home/99/Home11/home11_34.htm.
20. См.: Nakamura Y. Old Believers in Southern Sakhalin under Japanese Rule // <http://www.geocities.com/Athens/Agora/2827/nakamura.html>.
21. Nakamura Y. Old Believers in Southern Sakhalin under Japanese Rule // <http://www.geocities.com/Athens/Agora/2827/nakamura.html>).
22. Кононова М. Русская старообрядческая диаспора в странах дальнего зарубежья: генезис, формирование и современное положение // <http://www.archipelag.ru/text/293.htm>. - 30К. - 19.03.2002.
23. Поздняев Д. История православной церкви в Синьцзяне // <http://www.Chinese.orthodoxy.ru>.
24. Голпкодера Ф.Е. История России и судьбы христиан // ДС. - 1998. - № 5. - С.49,48.
25. Лебедева Н. Колония Де Руссо// Старообрядец. - 2000. - Июнь. - С.4.
26. Там же. - С.4.
27. Там же. - С.4.
28. Wigowsky P.J. Origins and History of Oregonian Staroveri // Wigowsky P.J. Collection of Old Believer History and Tradition. - Hubbard, Oregon, 1978; Электронная версия: <http://www.geocities.com/Athens/Agora/2827/collection.html>; Nakamura Yoshikazu. Old Believers in Southern Sakhalin under Japanese Rule // <http://www.geocities.com/Athens/Agora/2827/nakamura.html>.
29. Nakamura Y. Староверы в Японии // Skupiska staroobrzadowcow w Europie, Azji i Ameryce: Ich miejsce i tradycje we wspolczesnym swiecie. - Warszawa, 1994. - P.216.
30. Nakamura Yoshikazu. Old Believers in Southern Sakhalin under Japanese Rule // <http://www.geocities.com/Athens/Agora/2827/nakamura.html>.
31. Марпюшев П. Старообрядцы в Приморском крае после революции // ДС. - 7506 (1998). - Сентябрь. - №2. - С.16.
32. Там же. - С.17.
33. Там же. - С.20.
34. Там же. - С.17,20.

35. Wigowsky P.J. Origins and History of Oregonian Staroveri // Wigowsky P.J. Collection of Old Believer History and Tradition. - Hubbard, Oregon, 1978.
36. Мартюшев П. Старообрядцы в Приморском крае после революции // ДС. - 7506 (1998). - Сентябрь. - №2. - С.17.
37. Гопшодеря Ф.Е. История России и судьбы христиан // ДС. - 1998. - № 5. - С.47.
38. Wigowsky P.J. Origins and History of Oregonian Staroveri // Wigowsky P.J. Collection of Old Believer History and Tradition. - Hubbard, Oregon, 1978.
39. Мартюшев П. Старообрядцы в Приморском крае после революции // ДС. - 7506 (1998). - Сентябрь. - №2. - С.20.
40. Аптекарь П. От Желтороссии до Восточно-Туркестанской республики // <http://rkka.vif2.ru/oper/sinc/sinc.htm>
41. Лебедева Н. Колония Де Руссо // Старообрядец. - 2000. - Июнь. - №17. - С.4.
41. Там же. - С.4; Гопшодеря Ф.Е. История России и судьбы христиан // ДС. - 1998. - № 5. - С.48; Поздняев Д. История православной церкви в Сынцзяне // <http://www.Chinese.orthodoxy.ru>.
42. Гопшодеря Ф.Е. История России и судьбы христиан // ДС. - 1998. - № 5. - С.48.
43. Там же. - С.49.
44. Песков В.А. Старообрядцы США // Старообрядец. - 1996. - Декабрь. - С. 12; Кононова М. Русская старообрядческая диаспора в странах дальнего зарубежья: генезис, формирование и современное положение // <http://www.archipelag.ru/text/293.htm>. - 30К. - 19.03.2002.
45. Wigowsky P.J. Origins and History of Oregonian Staroveri // Wigowsky P.J. Collection of Old Believer History and Tradition. - Hubbard, Oregon, 1978; Электронная версия: <http://www.geocities.com/Athens/Agora/2827/collection.html>.
46. Кононова М. Русская старообрядческая диаспора в странах дальнего зарубежья: генезис, формирование и современное положение // <http://www.archipelag.ru/text/293.htm>. - 30К. - 19.03.2002.
47. Wigowsky P.J. Origins and History of Oregonian Staroveri // Wigowsky P.J. Collection of Old Believer History and Tradition. - Hubbard, Oregon, 1978; Электронная версия: <http://www.geocities.com/Athens/Agora/2827/collection.html>.
48. Wigowsky P.J. Ibid.
49. См.: Живоносный источник старой веры: Беседа Ю.Балкова с епископом Новосибирским и Всея Сибири старообрядческой митрополии Силуаном // Русский Восток // <http://rus-vost.irk.ru/arhiv/37/documents/episk.htm>; Федорова М.И. Памяти протоиерея Иоанна Кудрина // ДС. - 1998. - № 6. - С.67; Костромской старообрядец. - 2001. - №3(25). - С.4.
51. Wigowsky P.J. Ibid.
52. Гопшодеря Ф.Е. История России и судьбы христиан // ДС. - 1998. - № 5. - С.49.

И.Б. Тюмерова

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗАКОНОВ В РАБОТАХ ВЕДУЩИХ УЧЕНЫХ-ЭКОНОМИСТОВ

Изучение человеком экономических законов развития общества началось с момента возникновения самого общества. Это связано с тем, что экономические отношения и человеческое общество два неразделимых понятия. Человек на протяжении всей своей жизни стремится удовлетворять свои потребности и потребности других членов общества, т.к. человек не

СОДЕРЖАНИЕ

Гончаренко Л.Н., Кутырева М. А.	ВОЗМОЖНОЕ И РЕАЛЬНОЕ В КОНСЕР- ВАТИВНОМ РЕФОРМАТОРСТВЕ КОНЦА XIX ВЕКА (РОЛЬ А. Д. ПАЗУХИНА В РАЗРАБОТКЕ И ПРИНЯТИИ ЗАКОНА О ЗЕМСКИХ НАЧАЛЬНИКАХ 1889 Г.).....	3
Алексеев Б.Л.	СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО - ИДЕОЛОГИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПРОФСОЮЗОВ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.....	23
Алексеев Б.Л.	I-Й СЪЕЗД ПРОФСОЮЗОВ ЧУВАШИИ.....	37
Алексеев Б.Л., Щербаков А.В.	СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ И СИСТЕМА ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СОЦИАЛЬНО- ТРУДОВОЙ СФЕРЕ.....	43
Алексеев Б.Л., Афанасенков В.В., Ямолдин Г.А.	О РАБОТЕ ПРОФСОЮЗОВ ЧУВАШСКОЙ РЕС- ПУБЛИКИ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ НА- ЕМНЫХ РАБОТНИКОВ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ТРУДА.....	54
Андреева А.А.	К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ПО ИСТОРИИ ДВОРЯНСТВА КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО II ПО- ЛОВИНЕ XIX ВЕКА.....	64
Андреев В.В.	РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ФЕДЕРАЛИЗМА В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ГОСУДАРСТ- ВЕННОГО СОВЕТА ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИ- КИ.....	67
Буторов А.Е.	РАЗВИТИЕ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В РОССИИ.....	74
Волков П.Н.	ТИПОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В ПОЛЬШЕ (1944-1948 ГГ.) В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	78
Григорьев Е.М., Зеленев Ю.А.	Г. А. ФЕДОРОВ-ДАВИДОВ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ИС- ТОРИИ ПОВОЛЖЬЯ.....	83
Ендирякова Н.Г., Ендиряков В.А.	* БОЛГАРСКИЙ ДЕМОКРАТ Л. КАРАВЕЛОВ О РОЛИ НАРОДНЫХ МАСС И ЛИЧНОСТИ В ИС- ТОРИИ.....	88
Ендирякова Н.Г.	ИСТОРИЯ БОЛГАРСКОГО НАЦИОНАЛЬНО- ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В ОСВЕЩЕ- НИИ ЛЮБЕНА КАРАВЕЛОВА.....	92

Иванова Т.В.	ПОДГОТОВКА КАДРОВ АПК – ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ РЫНКА ТРУДА В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ.....	103
Иванова Т.В.	ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРЕДПРИЯТИЙ АПК ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.....	107
Касимова Д.Г.	ВКЛАД ЭКСПЕДИЦИИ 1929 Г. В ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ЧЕПЕЦКИХ ТАТАР.....	110
Колесова Е.В.	АРХИМАНДРИТ ГУРИЙ (А.И. СТЕПАНОВ. 1880-1938): ИЗ ИСТОРИИ МИССИОНЕРСКОГО МОНГОЛОВЕДЕНИЯ В РОССИИ.....	113
Комлев И.Г.	ВКЛАД БОЛГАРСКИХ УЧЕНЫХ В ИЗУЧЕНИЕ РЕЛИГИИ И МИФОЛОГИИ ДРЕВНИХ БОЛГАР /ПО ИССЛЕДОВАНИЯМ 1960-1990 ГГ./.....	117
Краснова Л.А.	НАУЧНЫЕ ГИПОТЕЗЫ В ОБУЧЕНИИ ШОЛЬНИКОВ.....	136
Кулбахтин Н.М., Кулбахтин И.Н.	ТУКТАМЫШ ИЖБУЛАТОВ — ЗАЩИТНИК СОСЛОВНЫХ ИНТЕРЕСОВ БАШКИР В XVIII В.....	149
Кульшарипов М.М.	А.З. ВАЛИДИ И РОССИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ.....	155
Максимов С.С.	ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЭКЗОГЕННОГО РЕЛЬЕФОБРАЗОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.....	159
Немцева Т.В.	НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ЧУВАШСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ.....	168
Сидорова Л.О., Тафеев Г.И.	ПРАВЯЩАЯ ЭЛИТА СОВРЕМЕННОЙ ЧУВАШИИ (ПРИМЕР КЛАССИФИКАЦИИ ПО ФУНКЦИОНАЛЬНОМУ ПРИЗНАКУ).....	182
Сухова Е.В.	ТЕКСТИЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ЧУВАШИИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	188
Тафеев Г.И.	ГЕНЕЗИС БОЛГАРО-СУВАРСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.....	195
Тафеев Г.И., Буторов А.Е., Черноглазова Н.Г.	ПАРТИИ РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ.....	204
Тимофеев Вал.В.	ИНВЕСТИЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ-СТАРООБРЯДЦЕВ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.....	213

Тимофеев Вал.В. Кожина Т.Н.	СТАРООБРЯДЦЫ В КИТАЕ В 30-60-Е ГГ. XX В.....	236
Тюмерова И.Б.	ИССЛЕДОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗАКОНОВ В РАБОТАХ ВЕДУЩИХ УЧЕНЫХ-ЭКОНОМИСТОВ...	251
Турьякин И.Н.	О ПОЗИЦИИ МЕГАЛОПОЛЯ ВО ВРЕМЯ ЛАМИЙСКОЙ ВОЙНЫ.....	258
Филиппова Л. И.	РЕДАКТОРЫ-ИЗДАТЕЛИ ПЕРВОЙ ЧУВАШСКОЙ ГАЗЕТЫ «ХЫПАР».....	260
Каритонов С.Б.	ПЕРЕПИСИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ ЧУВАШИИ XX ВЕКА: К ВОПРОСУ О ЧИСЛЕННОСТИ.....	267
Цербаков А.В.	ПРОФСОЮЗЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ.....	274
Цербаков А.В.	СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ СУБЪЕКТОВ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ.....	283
Клуткин В.И.	НАЛОГОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА.....	295
Ингузин Р.З.	МУХАМЕТСАЛИМ УМЕТЬБАЕВ КАК ЭТНОГРАФ.....	305
Богаченко Л.Н.	РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Е.П.БАРИНОВОЙ «ВЛАСТЬ И ПОМЕСТНОЕ ДВОРЯНСТВО РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА».....	310
Тимофеев Вас.В.	РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И АГРАРНОГО СЕКТОРА В ЧУВАШИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	314

Научное издание

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Сборник научных трудов

Ответственный редактор
Геннадий Ильич Тафасев

Подписано в печать 27. 12. 2002. Формат 60х84/16.

Бумага писчая. Печать оперативная.

Усл. печ. л. 20,1. Тираж 50 экз. Заказ № 802

Чувашский государственный педагогический
университет им. И.Я. Яковлева
428000, Чебоксары, ул. К. Маркса, 38

Отпечатано на участке оперативной полиграфии
Чувашского государственного педагогического
университета им. И.Я. Яковлева
428000, Чебоксары, ул. К. Маркса, 38